В семейном архиве Земфиры Шамилевны Халиковой бережно хранятся листки бумаги, исписанные четким, красивым почерком. Вверху проставлена дата: «1999 год. Ноябрь месяц». Это записи ее отца, Шамиля Калимулловича Байметова, уроженца села Аксеново. Свои дневники он вел не столько для себя, как для своих близких, чтобы дети и внуки знали историю их рода, по праву гордились ратными и трудовыми свершениями. И сегодня мы публикуем несколько отрывков из дневников Шамиля Калимулловича, поднимающих целый пласт истории, начиная со времен Гражданской войны…

«Древо нашего

родства»

Мой отец, самый старший среди детей деда Насибуллы, родился в 1898 году. Когда в России началась Гражданская война, он был мобилизован на фронт, воевал кавалеристом в армии Буденного и Ворошилова. Основной воинской частью у него была восьмая червонная казачья дивизия под командованием Примакова, который позднее, в годы репрессий, был расстрелян, как враг народа. Из оружия у них были карабин, сабля и пика. Отец прошел всю Украину, воевал против Пилсудского, Махно, Белых.

В 1920 году армия Буденного переправилась через Сиваш, захватила Крым. Отец вернулся с фронта в 1921 году и начал заниматься земледелием. В 1931 году в селе был организован колхоз, вступившие в него должны были сдавать свою скотину: лошадей, коров. Мы с отцом тоже повели в колхоз свою лошадь. Как помню, первым председателем колхоза был Мяхмут Жалимов. Отец стал работать бригадиром сразу трех бригад.

Несколько слов о моей матери. Мой дед по ее линии, Сафиулла Фетхуллович, был сравнительно богатым человеком. У него были пятистенный деревянный дом, огромный сад, большие дворовые постройки. В хозяйстве у деда были три коровы, пара лошадей,

много овец и кур. Он был настоящим трудягой – не снимал и на ночь своих лаптей, с рассвета до темна занимался хозяйством. У него был работник, который помогал ухаживать за скотиной. В 1931 году деда раскулачили и выслали в Соловецкие лагеря. Однако через некоторое время он вернулся, видимо, убежал в дороге, прогнал со своего двора колхозных лошадей, а сам отправился в сторону Елховки, наверно, хотел уехать подальше и спрятаться от НКВД. Его догнали двое мужиков. Дед встал перед ними на колени и слезно просил, чтобы они не сдали его. Но те повезли его в село. Деда выслали в Казахстан, где он и умер.

«Огненные версты войны»

Когда началась Великая Отечественная война, отец был вновь мобилизован на фронт. Я тогда учился в Лямбире в педучилище, а отец и Умяр Еналеев находились тоже там, они жили на квартире у Алукаевых, ухаживали за колхозными лошадьми. Вскоре отца отправили на Сталинградский фронт. В 1942 году он вернулся домой раненым, а я в этом же году был призван в армию. Сначала я оказался в Гороховецких лагерях, недалеко от города Горький (от редакции: теперь Нижний Новгород). Меня зачислили во взвод связи телефонистом. Нас учили работать и на рации РП – 12, она имела в упаковке приемник и передатчик. Потом был фронт.

В обязанности нашего взвода входила установка связи от наблюдательного пункта до огневой позиции. Связь тянули через лес, дороги, болота, маскируя при этом провод. Часто во время бомбежки, артобстрелов, из-за движения техники связь обрывалась, и нам следовало как можно быстрее найти обрыв и соединить концы провода. А ведь там, как правило, были не только наши провода, но и другие, самых разных цветов, не сразу найдешь свой. Посылали двоих связистов с расчетом, если один погибнет, второй успеет восстановить связь. Сколько мы потеряли людей, телефонных аппаратов, а радиоприемник вообще сгорел!

Мы с боями прошли через всю Белоруссию, Украину и дошли до Днепра. Южнее Киева у города Канев форсировали Днепр. Здесь я получил первую награду: медаль «За отвагу».

Вспоминается, как нас, несколько связистов, поставили на левом берегу Днепра доставлять продукты на огневые позиции. Там была полностью сгоревшая деревня Селище, вот на этом участке и расположилась наша огневая позиция. Туда мы доставляли суп, кашу, хлеб. Переправа работала до одиннадцати часов вечера, а в одиннадцать часов немцы начинали артобстрел. Город Канев от нас находился, примерно, на расстоянии шесть – семь километров, а передовая – совсем рядом, откуда немецкие снайперы постоянно вели огонь. К реке подходить было опасно.

Однажды один солдат Правоторов с другим солдатом должны были переправить продукты. И вот ночью они ушли. Напротив нас на правом берегу в лощине располагалась кухня каких-то воинских частей. Мы своих товарищей ждали до одиннадцати, но они не вернулись. Начался артобстрел переправы. Думали, что они сидят где-то. Но вот и рассвет, взошло солнце. Смотрим, немецкие самолеты начали бомбить то место, где располагались кухни. Оказалось вот что. Они на огневую позицию доставили продукты, но опоздали, начался артналет немцев. Отсиделись в окопах, а утром решили развести костер, но не нашлось спичек. Тогда Правоторов пошел к кухне, не успел взять спички, как началась бомбежка. Обратно вернулся лишь товарищ Правоторва, но в каком виде! Одежда порвана, ранение в ногу, все лицо и руки в копоти. В этот же день мы переправились на правый берег и увидели на месте кухонь страшную картину - все котлы разбиты и раскиданы, всюду тела убитых и воронки от бомб. Долго искали среди убитых Правоторова, наконец, нашли. Осколок попал ему в голову. Но у него как-то хватило сил заползти в блиндаж, там и умер.

Другой раз я доставлял продукты с казахом. Переправились на резиновой лодке, предварительно сняв с себя сапоги и шинели для страховки – в случае чего могли бы вплавь добраться до берега. Переправились, пошли. Немцы вели огонь из автоматов и пулеметов. Все же продукты доставили, и надо было быстрее вернуться на переправу. А тут немцы начали артобстрел. Я сказал казаху, что можно пойти по обрывистому берегу, скрываясь среди каменюк, отколовшихся от скалы. Но он пошел через камыши. Я пошел по обрывистому берегу и, как оказалось, ошибся: снаряды ложились именно туда. Однако до переправы добрался. Там встретил своего напарника. Смотрим, к отправке готовится паром, попытались сесть на него, но к нам подошел офицер, узнал, что мы не из его части и прогнал с парома. Как быть? Тут мы заметили, что их люди на голове имеют какие-то капюшоны, чтобы их узнавали в темноте. У нас были мешки, вот их мы и одели, придав форму капюшонов. И тут артобстрел. Один снаряд взорвался рядом с паромом. Испуганные лошади поднялись на дыбы, одна бросилась в воду. Хозяин повозки успел перерезать гужи, лошадь поплыла, а люди оглоблями направляли ее на правый берег. Уже на правом берегу, когда я начал подниматься вверх, метрах в десяти взорвался снаряд. Но осколки меня не задели, Аллах спас! Добравшись до своих, легли спать, не раздеваясь. Мы никогда не раздевались, когда ложились. Такая наша служба продолжалась недели две. Кроме продуктов мы доставляли на передовую и вооружение.

«В боях под

Елгавой»

Пройдя с боями Украину и Белоруссию, мы оказались в Прибалтике. Словно в иной мир попали: деревни, хутора выглядели по-иному, чем у нас, более обустроенные. Красивые.

Мы участвовали в освобождении Вильнюса, Елгавы. Под Елгавой я был контужен. Немцы обнаружили нашу позицию, и мы оказались под сильным артобстрелом, тут же налетели немецкие самолеты. Меня засыпало землей, я был без сознания, когда мой однополчанин и земляк из Мордовии Василий Александрович Мартышкин с товарищами вытащил меня из-под земли. Около месяца пролежал с госпитале. А потом была Рига.

(Окончание в следующем номере).